

УДК 821.161.1

А. А. Торопова,

Институт «Полярная академия»,
 Российский государственный гидрометеорологический
 университет, Санкт-Петербург
 Научный руководитель: д-р иск., канд. филол. наук,
 проф. Н. М. Мышьякова

Рассказ Д. Гранина «Место для памятника» как яркий пример советской философской фантастики

Аннотация. В статье анализируется рассказ Даниила Гранина «Место для памятника» в контексте его жанровой принадлежности. Фантастика рассматривается как характерный авторский прием, помогающий писателю акцентировать внимание адресата на важных этических проблемах действительности, актуальных по сей день.

Ключевые слова: Даниил Гранин, рассказ, «Место для памятника», фантастика, философия.

Особое место в творчестве Даниила Александровича Гранина занимает фантастика, являвшаяся одним из самых популярных жанров в СССР и остающаяся актуальной в XXI в. Знаменательны слова Гранина о статусе и задачах писателя: «Писатель, наверное, должен уметь делать всё. В этом состоит профессионализм. Я пытался освоить разные жанры, вплоть до фантастики» [2, с. 12].

По убеждению Д. А. Гранина, фантастика рождена реальностью и обращена к ней. В своей статье «И всё же...» (1967) автор заявляет об интересе к данному жанру как к средству изображения человека: «...как будет жить человек в мире с управляемой гравитацией, с перемещениями во времени? <...> Что же останется от собственно человека в этой раздутой, усиленной всеми средствами оболочке всех мыслимых благ, потребностей и желаний? Что произойдет с простыми человеческими чувствами — добротой, любовью, скукой? Каким станет человек?» [1, с. 228].

В творчестве Гранина не так много фантастических произведений. Одно из наиболее известных — рассказ «Место для памятника» (2008), в котором автор в обстановке фантастически преобразованной действительности противопоставляет талант и посредственность, жизненные позиции скромного ученого и типичного представителя чиновничьего сословия. Гранин обращается к вечным проблемам добра и зла, прошлого и будущего и задается вопросом, изменится ли что-то, если бюрократ будет иметь сведения из будущего о важном научном открытии.

В центре повествования находится психологическая коллизия. Сталкиваются интересы чиновника, антигероя Осокина, и загадочного изобретателя Лиденцова, «маленького человека» от науки, прибывшего к нему из будущего с просьбой. Уверенно и весело державшийся ученый, не только без очереди пришедший за комнатой, но и показавший документы, в которых содержатся доказательства того, что через несколько десятилетий на Морской площади ему будет установлен памятник, вызывает у Осокина бурное негодование. Всеми силами он старается изменить ход событий, тем самым по иронии судьбы способствуя осуществлению «пророчества» Лиденцова. Можно предположить, что ученый намеренно пришел именно к чиновнику, пытаясь запустить наличествующий у людей, занимающих подобные должности, механизм сопротивления. Лишь типичный бюрократ, мнящий себя одним из «сильных мира сего», мог так возмущенно отнестись к уверенности в себе молодого изобретателя. Всеми силами пытаясь изменить будущее, он только привлек внимание к открытию Лиденцова, чего тот и добивался. «Самомнение ученых больше всего раздражало Осокина...» [2, с. 372], иными словами, чиновник выходил из себя из-за того, что у него не было той свободы, которой обладали люди науки благодаря своим знаниям. Один из основополагающих принципов прогрессивных советских людей — будущее в созидании. Осокин же, беспрестанно меняя один кабинет на другой и ограничиваясь его стенами, пусть даже продвигаясь по карьерной лестнице, был лишен возможности созидать. Казалось

бы, успешный на своем посту, он был вынужден следовать предписаниям, продиктованным многочисленными инструкциями: «Никто и не представлял себе, как мало, до обидного мало было у него возможностей» [2, с. 378]. Осокин был ограничен своим негодованием от того, что его разум был неспособен осознать: «Поскольку посещение Лиденцова было чем-то непонятно, а следовательно, и неприятно...» [2, с. 376]. Когда чиновник после всех убеждений ученого не удовлетворяет просьбы последнего, Лиденцов задает ему важный вопрос: «И вы не боялись... ошибиться?» [2, с. 376]. Напрашивается параллель с Сократом, говорящим о мудрости, которая заключается в том, чтобы подвергнуть всё сомнению [3], Гранин же не наделяет этой мудростью антагониста.

Лиденцов появляется лишь в двух эпизодах, встречаясь с Осокиным. Остальные события разворачиваются вокруг чиновника-пенсионера, не желающего признавать открытие своего врага. Даже спустя много лет ненависть к ученому клокочет в нём: «А чего он мне мог сделать? <...> От таких, как он, я не зависел. Я ему мог сделать, это да. А я полиберальничал. <...> Всерьез рассуждать о ком — о Лиденцове! Как будто такой горемыка, придурок может быть великим человеком» [2, с. 392]. Подсознательно понимая, что он сам не обладает властью, Осокин всё же пытался убедить себя и других в обратном, получить выгоду от встречи с ученым вместо того, чтобы сделать выводы.

Позже, в общении с Мурзиным, Осокин оказывается на месте Лиденцова, когда архитектор не верит его рассказу. Пытаясь сделать так, чтобы вместо киселевского проекта, запечатленного на фотографии из будущего, была осуществлена задумка Мурзина, чиновник убеждает: «Лиденцова надо прекратить в самом начале» [2, с. 389]. Здесь имя собственное превращается в нарицательное. Осокин говорит о своем враге как о некоем зле, нарушающем привычный ход вещей, угрожающем существованию таких бюрократов, как он. Архитектор, молодой человек нового поколения, сначала как бы поддерживает Осокина, но позже осознает и признает неотвратимость будущего, прогресса: «Допустим, фото — факт. И ваш

рассказ факт. Лиденцов достоин памятника. Киселевский дом будет построен. Какой же смысл сопротивляться? И этично ли это? Если признавать Лиденцова, тогда не следует бороться. А если не верить, тогда и не признавать, тогда опять же зачем бороться» [2, с. 391]. Подобное высказывание в контрасте с позицией закостенелого Осокина показывает, насколько далеко в прошлом тот остался. Тем временем жизнь идет, талант Лиденцова пробивает себе дорогу вперед, а Осокин остается всё тем же чиновником в клетке кабинета, теперь еще и ненавидящим свою старость. Философия произведения сводится к тому, что подобным Осокиным не суждено изменить ни свою жизнь, ни мир.

«Кто мог знать? Да? <...> А может, кто-нибудь мог? А кто? А вот кто... Знать — знал, а дать — не дал. А ведь всё знал. Наперед знал! Кто мог знать? — надежный, надежно-безответный вопрос, — не вопрос, а извечное оправдание» [2, с. 402–403], — этими словами автор дает ответ на главный вопрос своего произведения. Сведения из будущего о важном научном открытии не меняют отношения чиновника к делу. Даже осознав, что Лиденцов говорил правду, Осокин не изменил своей позиции, не почувствовал угрызений совести или сожалений о том, что, возможно, поступил неверно.

Финал произведения оптимистичен. Гранин дает понять, что памятник, о котором говорил Лиденцов, несмотря ни на что, будет установлен. Ему уже уготовано место рядом с новым киселевским зданием, место, на котором даже не растут кусты жасмина, потому что у него другое предназначение. А Осокину ничего не остается, как приходиться на Морскую площадь и наблюдать со стороны, как будущее, которому он так противился, неумолимо вступает в свои права.

Таким образом, фантастика Гранина — своеобразный, но очень характерный авторский прием, основополагающий принцип которого — глубоко вникать в сущность и сложности ключевых проблем времени, прежде всего этических. Это последовательная нравственная задача, решаемая во всех без исключения произведениях автора, залог его актуальности и значимости для современной культуры.

1. Гранин Д. А. И всё же... // Иностранная литература. — 1967. — № 1. — С. 227–232.

2. Гранин Д. А. Собр. соч. : в 5 т. — Т. 1 : Иду на грозу: Роман; Повести. — Л. : Художественная литература, Ленингр. отд-ние, 1989. — 592 с.

3. Сократ. Я знаю только то, что я ничего не знаю // TheOcrat : [сайт]. — URL: <https://theocrat.ru/latin/content-25702/> (дата обращения: 25.11.2023).